

Ларионов

05.11.1985

ВЗРОСЛЫЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Портрет художника в окружении юных

Честно говоря, мне мало что говорило это имя. В Москве персональная выставка художника Ларионова была организована впервые. До этого он представлял свои работы жителям родного Гродно — экзамен тоже не простой, поскольку этот старинный город известен своими культурными традициями. Была выставка и в Друскининкае — тамошняя требовательная публика, имеющая возможность чуть не ежедневно посещать, скажем, дом-музей Чюрлёниса, отнеслась к работам Ларионова более чем благосклонно. И москвичи, и гродненцы, и друскининкайцы писали в книгах отзывов, что на отечественный художественный небосклон всходит звезда художника оригинального, удивительно трудолюбивого — и пусть у него все будет хорошо!

Но особенно мне захотелось познакомиться с Ларионовым после того, как его земляк, кандидат философских наук Михаил Антонович Гусаковский, приехавший в столицу по своим научным делам, рассказал, что Ларионов живет... в лесу, точнее, в детском санатории «Неман», расположенном в пригороде Гродно, и работает воспитателем, и, судя по всему, вовсе не собираются, несмотря на выставочные успехи, порывать с педагогикой. Наоборот — по его чертежам и при поддержке главврача там строится удивительное здание, которое на языке официальных документов именуется чем-то вроде комплекса для «эстетотерапии», а сам художник ласково зовет «храм эстетики».

Понятно, что я постаралась поскорее оказаться в этом лесу и своими глазами увидеть «храм». Он уже практически выстроен, остались лишь отделочные работы. Ларионов подобрал репродукции с картин, позаботился о том, чтобы зимний сад и цветомузыка не гасили, а взаимодополняли друг друга. Здесь он станет рассказывать детям о великих зодчих, о классицизме и

импрессионизме, о любимых живописцах. А музыка, свет и цветы помогут ему, потому что красота неразьединима.

Художник выбрал угол, куда он перенесет свой мольберт и где поставит мольберты для ребятшек. И дети смогут не только наблюдать за движениями профессиональной кисти, но и сами творить.

— Только не надо думать, что я буду преподавать им рисунк.

Ларионов не любит говорить об искусстве в стенах классов, выкрашенных той краской, что оказалась ко времени очередного ремонта на базе. Он полагает, что любимому им Чюрлёнису или, скажем, старинному голландскому художнику Вермеру Дельфтскому вовсе не безразлично, в какой обстановке станут поминать их славные имена. И имена других живописцев, графиков, архитекторов, скульпторов — возможно, ребяташки впервые в жизни услышат их именно здесь, в санатории. И впервые в жизни увидят, как работает профессиональный художник. Можно будет стоять у него за спиной и наблюдать за тем, как цветные пятна превращаются в лес, очень похожий на тот, что шумит за окном, но все-таки иной, увиденный каким-то непривычным взором. И ты, мальчик, тоже, возможно, научишься смотреть на все, что тебя окружает, через призму искусства.

Для того и старается художник Ларионов, придумывая, как бы поэтичнее оборудовать зал, где будут вести свои молчаливые переговоры высокие стороны: Искусство и Детство. Здесь каждый нюанс должен быть выверен и каждая деталь — важна. Можно, конечно, посмотреть картины и безо всякого цветомузыкального сопровождения, да и зимний сад в галерее вовсе не обязателен — ценители и знатоки и перед любимым полотном будут стоять часами и ничего вокруг не замечать. Но это —

знатоки, а Ларионов-то дело имеет с детьми, многие из которых до того запросто обходились безо всяких встреч с живописью и вовсе не ощущали своей обделенности, и любое, пусть самое гениальное сочетание красок оставляло их равнодушными. А раз так — надо любым способом пробиться к душе, всполошить ее, зажечь, заинтересовать.

«Храм» будет своеобразной стартовой площадкой, откуда художник поведет своих питомцев по одной из лесных тропинок. Он и сейчас водит ребят к Неману, стараясь обратить их внимание на необычность обычных вещей — шершавой коры, бархатных трав. Он будит в ребячьих душах то художественное видение мира, которое у многих давно уже уснуло. Такая непростая задача!

У Жан Жака Руссо есть тонкое наблюдение о том, что даже сельский мальчишка, который живет в мире, где закат не отгорожен крышами каменных домов, может зевать равнодушно, глядя на заходящее солнце. И лишь в том случае, если рядом с ним окажется человек, который сумеет пробудить в душе восторг перед вечной и непреходящей красотой солнечного диска, спокойно отправляющегося на покой за линию горизонта, — лишь в этом случае сердце дрогнет и забудет на миг, что на самом-то деле солнце — совсем не живое, а просто раскаленный шар, вокруг которого мы вертимся по орбитам, и их можно строго вычислить.

Так что помогай, Микалоюс Чюрлёнис, пусть после встречи с твоими картинами любой белорусский мальчишка тоже, как и художник Ларионов, научится видеть, как «дождь гладит шерсть ручья». Этот образ и множество других разбросаны щедро по записным книжкам художника.

...А из леса — снова к картинам. И неужели руки ребят так и не потянутся к кисти? Неужели

ли не захотят нарисовать только что увиденное — то, как «цветки пижмы в пасмурный день своими маленькими зеркальцами отражают заоблачность солнца»?

— Но ведь они же не сумеют, и вам, следовательно, придется «ставить их руку», объяснять, что к чему, то есть заниматься все теми же уроками рисования. А где урок — там жесткие рамки программы, обязательные 45 минут...

— Учителем рисования в традиционном смысле быть, наверное, не смогу, — сказал Ларионов.

Мне было понятно, что он имел в виду. В жизни встречала лишь нескольких художников, которые рискнули прийти в школу, да и те, как правило, быстро ушли оттуда по причине «профнепригодности» — добровольно или под давлением осерчавшей администрации. Нет, я администрацию не ругаю — не она ведь виновата в том, что порою человеку творческому — а значит, парадоксальному, непредсказуемому — неуютно пока в стенах школы.

Давайте надеяться, что это положение временное, вызванное лишь тем, что реформа не набрала еще требуемой скорости!

— А вы не уйдете от ребят? — напрямую спросила у Ларионова. — Ну, пойдут персональные выставки, вступите в союз и забудете про свой диплом педагога-психолога, переквалифицируетесь в художника и будете себе жить-поживать, не общаясь с беспокойными и неумелыми представителями младшего поколения. Большинство ваших коллег, кстати, так и живут, и ничего ведь?

Ответил сразу: «Нет!». Наверное, он уже не раз задавал себе этот вопрос. Что лучше: сосредоточиться на чем-то одном или продолжать «раздваиваться», делая свое сердце между живописью и педагогикой? От ребят он не уйдет. Он их любит. Но не той любовью, которая замешана на жалости к ним, таким ма-

леньким, а требовательной: иди и смотри, выворачивай душу перед лицом строгих и насмешливых портретов, завидуй, что не можешь пока так же, как Мастер, упаковывать хрупкий образ в оболочку из красок. Тебе предстоит, мальчик, встретиться со многими взрослыми на дорогах жизни — научись уважать и ценить мастерство, оно ведь в самых близких и родственных отношениях с добротой, человечностью, счастьем! И вслед за художником, который целых два месяца честно пытался разбудить твои таланты, начинай перекраивать мир по законам красоты, «эстетизируй среду». Для этого вовсе не обязательно повсеместно возводить такие же «храмы» — достаточно, может быть, еще одно дерево посадить, еще один цветок или повесить в своей комнате репродукцию знаменитого художника.

Думаю, что в ближайшее время работники народного образования разных концов страны захотят приехать и посмотреть, что это за храм такой, идеально устроенный для эстетического ликбеза и одновременно «приманивающий» к педагогике хорошего художника, появившийся в белорусских лесах — и нельзя ли нечто подобное учредить в лесах подмосковных, да и в самой столице тоже? Ведь если верить Ларионову (а почему бы, собственно, и не верить?) — то именно искусство и является тем самым золотым ключиком, с помощью которого мы решим самые сложные проблемы — педагогические, да и народнохозяйственные тоже, поскольку мы уже, кажется, вступаем в ту полосу, когда не только от дизайнеров, а от каждого рабочего следует требовать, чтобы рука его не поднималась изготавливать вещи безвкусные, серые — ну, в общем, такие, каким не будет места в ларионовском «храме»!

Е. БЕЛЯКОВА.
(Спец. корр.)

г. Гродно.

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

5 НОЯ 1985